

Отказ от Другого и катастрофа троичной любви как основная структура современности¹

Артем Космарский

Старший научный сотрудник Института исследований культуры.
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва).
Российская Федерация, 105066, г. Москва, ул. Старая Басманная, 21/4.

Научный сотрудник.

Государственный академический университет гуманитарных наук (Москва).
Российская Федерация, 119049, г. Москва, Мароновский переулок, дом 26.

E-mail: akosmarskii@hse.ru

Аннотация. Данная статья бросает новый взгляд на актуальные проблемы любовных, семейных и сексуальных отношений в современном мире, а также сдвигов в ценностях и установках. Автор вводит понятия, которые позволяют увидеть нетривиальные причинно-следственные связи между личной жизнью отдельных людей и общегосударственными демографическими процессами. Основная цель работы – поставить под вопрос распространенное представление о том, что главным в ориентации, влечении, идентичности является сексуальный объект. Вместо этого в статье предлагается рассматривать в качестве первичного и фундаментального не объект влечения, а то, являются ли отношения между людьми двоичными или троичными. В статье вводятся понятия «двоица» – отношения только между двумя людьми, исключающие Третьего, – и «троица» – отношения, в которых есть место для Третьего, будь то ребенок, другой любимый или слово. Далее, автор показывает, как в XX–XXI веках двоица утверждается в качестве базовой структуры отношений и восприятия мира в самых разных сферах, от литературы и искусства до этики и политики, – и связано это прежде всего с нормализацией развода и контрацепции. Статья предлагает новый концептуальный аппарат для понимания отношений в современную эпоху, а также для их связи с более общими социальными процессами.

Ключевые слова: любовь, двоица, троица, Другой, гомосексуальность, развод, деторождение

Для цитирования: Космарский А. А. (2024). Отказ от Другого и катастрофа троичной любви как основная структура современности // Patria. Т. 1. № 3. С. 75–100.

Разговор о настоящем и будущем России сейчас нередко предполагает критику современности, прежде всего западной – таких ее трендов, как сексуальная свобода, индивидуализм, нормализация и так называемая «пропаганда» нетрадиционных сексуальных отношений, консьюмеризм, отказ от деторождения воспринимаются как разрушительные для государства и общества. В этих тенденциях склонны видеть идеологию, то есть некое информационное влияние, разрушающее традиционные ценности разных народов планеты, – влияние, которому можно поставить заслон и тем самым остановить и обратить вспять вышеуказанные тренды. Однако такая позиция недооценивает структурный характер современных ценностей и жизненных установок: это не просто политически мотивированные нарративы и не просто мода – они тесно связаны с многолетними, даже многовековыми демографическими и социальными процессами, разворачивающимися по всему миру, в том числе и за пределами Запада; речь идет прежде всего о втором демографическом переходе, приватизации

сексуальной жизни, распространении товарного хозяйства (Вишневский, 2006; Zaidi, Morgan, 2017; Иллуз, 2023; Dabhoiwala, 2010).

Тем не менее, не стоит впадать и в другую крайность: структурность не означает неизбежности и безальтернативности. Но чтобы поиск альтернатив миру сексуальной революции был плодотворным и не уходил в мечты об утраченном золотом веке крестьянской семьи, возвращение к которому объективно невозможно, важна серьезная, без глумления и инвектив, интеллектуальная работа по пониманию того, что происходит.

Наш вклад в эту дискуссию лежит в области философии и психологии. Мы вводим новые понятия, которые позволяют увидеть нетривиальные причинно-следственные связи между микро- и макро-уровнями: между личной жизнью и отношениями отдельных людей – и общегосударственными процессами вроде уровня рождаемости или частоты разводов. Мы ставим под вопрос идею, что главное в сексуальной ориентации, влечении, идентичности – это сексуальный объект, и отсюда главное различие – между теми, кого привлекают люди своего пола, противоположного пола, или обоих полов. Мы полагаем, что первичным и фундаментальным оказывается не объект влечения, а то, *двоичными* или *троичными* оказываются телесные и связанные с ними душевные отношения.

Троичные отношения в любви – не обязательно отношения трех, но отношения, где есть место для Третьего, будь то ребенок, другой любимый или слово. Если ребенок принимает любовь родителей друг к другу, то он принимает родителя как Другого, как независимую личность, то есть не как свою собственность: видит его как человека, у которого могут быть свои самостоятельные отношения с Третьим. И этим Третьим является – исходно – именно отец (для матери) или мать (для отца).

Разного рода кризисы отношений в семье, в том числе развод, реализующий отказ или замену любимого, провоцирует у ребенка страх конечности любви, страх троичной любви как таковой – потому что она кончается слишком болезненной катастрофой. Защита у тех, кто пережил катастрофу троичной любви (в своей или родительской семье), может выражаться по-разному, но в любом случае это будет выпадение в двоицу – способность любить только одного человека, отторгая Третьего.

Описав двоицу и троицу, а также их связь с понятием Другого, мы перейдем от философии и психоанализа к социологии и политике. Мы покажем, как в XX–XXI веках двоица утверждается в качестве базовой структуры отношений и восприятия мира в самых разных сферах: от литературы и искусства до этики и политики, – и связано это прежде всего с нормализацией развода и контрацепции.

1. Третий как условие Другого

Ключевое свойство двоицы, двоичных отношений (в нашем понимании) – для ее субъекта нет Другого. Другой человек воспринимается как просто тело, мертвое тело, еда, если говорить о любви, – или как слепое пятно, Зло, тот, чье бытие отрицается, если говорить о негативных отношениях. Двоицу можно обозначить как отрицание, неприятие или нераз-

личение партнера как Другого в любви, то есть как неповторимую и отличную от себя личность, с которой вступаешь в уникальные отношения, с которой происходит коммуникация на равных.

В XX веке в рамках феноменологии, философии экзистенциализма и психоанализа развивалось две различных линии мысли о Другом. Первая восходит от гегелевской диалектики господина и раба (Гегель, 1992: 99–105) к Жану-Полю Сартру, Францу Фанону, Жаку Лакану и Жилью Делезу. Другой в этой традиции осмысливается как безличная сила, структура, организующая восприятие мира субъектом, как интериоризованный взгляд на человека со стороны его родителя, властей или общества в целом – исполненный насилия взгляд, который определяет образ себя и конституирует человека; иными словами, Другой понимается как инстанция власти, безличности и неравенства (Сартр, 2000: 246–323; Spanakos, 1998; Lacan, 1993: 274).

Вторая же линия, близкая нам, связана прежде всего с именами Мартина Бубера и Эммануэля Левинаса. В рамках этой линии Другой – не Я, но и не стихия, энергия либо начало (Иное), но личность, равная Я. Для Левинаса как базовые условия человеческого существования, так и опыт сакрального завязаны на отношения с Другим – лицом к лицу, в смирении и заботе (Ямпольская, 2011: 191–246). Еще более близкий нам Бубер подчеркивал равенство, взаимность, диалогичность и, прежде всего, любовь как ключевую форму отношений с Другим – отношений Я – Ты (Бубер, 1993: 15–92): «Диалог для Бубера есть радикальный опыт инаковости Другого, “узнавание” его. Другой из чуждого, “постороннего”, не-Я становится Ты. Суть отношения Я – Ты есть любовь... Главное в человеческом существовании – звать к Другому и отвечать на его зов... В отношении Я и Ты нет мистического единения, каждый остается собой» (Лифинцева, 2016: 17).

Наконец, подчеркнем: отношение к другому человеку как к Другому – равной личности, тому, кого узнаешь и признаешь, с кем возможна коммуникация, – не само собой разумеющееся, а, напротив, нечто неустойчивое и хрупкое. Связано это и с подмеченной Эдмундом Гуссерлем и Морисом Мерло-Понти кардинальной несоизмеримостью себя и других (я для себя – это весь мир, нечто бесспорное и переживаемое, а другие люди – лишь объекты этого мира), и с актуализированной Иммануилом Кантом и Карлом Марксом мыслью о постоянной объективации, сведении людей к вещам². Но для нас важна именно психологическая динамика: ты либо воспринимаешь другого человека как Другого, то есть видишь, любишь как уникальную личность, уважаешь, различаешь на фоне мира; либо нет – он превращается для тебя в объект, угрозу, пятно на фоне, только тело, инструмент для твоего удовольствия или восполнения иной потребности, с которым лучше вообще молчать.

Предположим следующее: *в отношениях условием для различения в человеке Другого является наличие Третьего*. Если ты принимаешь того, кто тебя любит, как любящего не только тебя, то он не твоя собственность и не твоя проекция.

В гетеросексуальных отношениях Третий, ощущение и желание его потенциально заложены в самом сексе (хотя и не обязательно реализуются). Мужчина и женщина могут в современном обществе жить, в том числе в партнерском союзе, как не-другие, как просто люди, просто товарищи: они одинаково могут работать и зарабатывать, одинаково одеваться, одинаково плакать и ходить к психотерапевту. Они могут не замечать, что отличаются, – но не в родительстве. Половое различие проявляется, если в отношениях есть место Третьему (или желанию Третьего) – ребенку. В отношениях «отец – мать – ребенок» очевидно, что мужчина и женщина разные. Мать носит ребенка и кормит его; эта форма отношений с ребенком уникально-телесна. Отец любит его не меньше и имеет к нему не меньшее отношение, но он общается с ребенком словами. Отец – это тот, кто говорит, кто воспитывает, кто дает закон, кто вводит в мир различия и различения.

Женщина мужчиной не обязательно воспринимается как Другой, но мать его ребенка – это Другой, потому что в этом случае тот (та), кого ты любишь, – не твоя проекция и не твоя собственность: он любит на твоих глазах не тебя – и при этом совсем другой любовью. Мужчина никогда не сможет повторить опыта беременности и кормления, особой физической связи матери и ребенка. Женщина никогда не узнает опыта ревности мужчины, когда на твоих глазах ребенок с матерью пребывают в физической любви, – и опыта перекрывающей эту ревность любви, если мужчина может любить троих, если жена для него – не только «мое тело», но мать ребенка, если ребенок для него – не только «мое продолжение» и «моя копия», но ребенок любимой женщины, общий ребенок. И женщина никогда не узнает, что значит постепенное обретение контакта отца со своим ребенком. Женщина имеет власть над ребенком с самого начала; мужчина же поначалу не имеет с ним такого контакта, но дожидается времени, когда он может с ребенком говорить и влиять на него. И ребенок сможет понять, что любимый человек (мать) – не просто часть его потребностей, но Другой: она любит и его отца, и по-другому, чем его. Наконец, даже если ребенка нет – само желание ребенка заставляет отца и мать в сексе увидеть друг в друге не просто часть своего удовольствия, но нечто большее.

Для философа Алена Бадью Бог и деторождение не являются условиями отношений мужчины и женщины. Но для него есть другой Третий участник их отношений – истина. Любовь, по Бадью, производит «истину разъединения» мужской и женской позиции, истину разъединения и бытия Двоих – не Одного, который «сливается» с Другим: Бадью настаивает на том, что любовь не имеет отношение к мистическому слиянию и растворению в Другом. В любви любящие познают, что они не одни, что их двое, бесконечно пытаются узнать и рассказать другому, кто они. «“Ты меня не понимаешь”, – шутит Бадью, – это раздраженный вариант “я тебя люблю”» (Бадью, 2011: 40). Это остроумно и тонко – но все это можно описать и представить гораздо проще. Любовь, порождающую истину разъединенности, можно пересказать так: любовь является отношениями Двоих (двух полноценных инаковых субъектов), если они порождают или

желают Третьего. «Позиция мужчины» и «позиция женщины», действительно, непередаваемы. Но инаковость опыта материнства и отцовства, опыта видения любимого как (потенциального) отца или матери ощущима.

Отношения, которые Бадью называет двоицей, порождающей истину друг о друге, мы называем троицей – отношениями, которые структурно включают в себя Третьего и тем самым различают Другого, отличают от себя. Другой – это тот, кто познан в том, что любит не только тебя – и так же бесконечно, как тебя. Если ты принимаешь супруга или ребенка как любящего не только тебя, но и ребенка или другого супруга соответственно как человека, отношения с которым принципиально иные, но не менее телесны и постоянны, чем у тебя, то он не твоя собственность и не твое отражение. Поэтому мы предполагаем, что неприятие или неразличение Другого вызывается *словом троичной любви*, то есть катастрофическим опытом отношений «отец – мать – (потенциальный) ребенок» – базовых отношений, в которых человек приходит в мир, учится языку, осознает себя.

Троичные отношения – не обязательно отношения трех, но отношения, где есть место для Третьего или для желания Третьего. Если структура телесной любви предполагает, что любимый может любить Другого (ребенка) на твоих глазах, в твоём присутствии и при твоём участии не меньше, чем тебя, и совсем другим образом, то любимый становится Другим, воспринимается как независимая личность, у которой самостоятельные отношения с Третьим. Отец, который принимает троицу, может любить и мать своего ребенка, не теряя от ревности к нему своего исходного к жене отношения. Она для него не просто любовница, но независимая личность, та, кто любит кого-то иной любовью, чем он, и любит ребенка так, что супружеские отношения сохраняются и в полной мере реализуются. Троица пребывает «неслиянно, нераздельно» – когда нельзя порвать отношения ни с одним из ее участников, и при этом все линии отношений неслиянны, то есть их субъекты сохраняют свою самостоятельность. Родитель не становится функцией или придатком к ребенку, так же как и ребенок не становится тем, кого надо «терпеть» или «унимать» – или просто не планировать. И для ребенка каждый родитель – не просто его собственность или желание, но любящий другого родителя, причем совсем иначе, чем его.

При искажении или распаде троичных отношений человек выпадает в то, что мы называем *двоицей*. В двоичной структуре есть только один субъект (обычно это «я»), и любить – значит сливаться в эмпатии, быть частью его. Другой воспринимается как часть субъекта, как проекция, отражение, собственность – или же отрицается, исключается. Когда нарушается цельность «отец – мать – ребенок», то распадается троичная структура отношений, и человек выпадает в защитную двоицу. Двоица, или двоичная структура, может проявляться и в коммуникации, и в отношениях, и в восприятии мира. Конечно, троичная система, где каждый из членов семьи обуславливает инаковость других, любит иначе, чем другой, и при этом все являются одной семьей и в исходной точке были единым телом, – идеальная и редко достижимая гармония. Троичные отношения

очень хрупкие – нет числа возможным вариантам разбалансировки и слома³: мать замыкается на ребенке и отдаляется от отца; развод разрезает то, что для ребенка было единым целым, разрушает троицу; ребенок восстает отцом и отторгает мать; ревность при появлении брата или сестры, приводящая к отторжению матери; множество путей разыгрывания и разрешения эдипального конфликта.

Однако нам важно подчеркнуть: если в психоанализе и психологии появление отца как третьей фигуры в отношениях ребенка и матери увязано с достаточно поздним этапом развития личности (2–6 лет), причем в центре стоит именно драма детского желания, то есть влечение к матери, ревнивое желание удалить отца, интерес к половому различию (Куттер, 1997), то мы говорим о троице как о драме отношений трех равных субъектов, семьи, а не только про эдипово влечение к родителю. Возникают эти отношения (и могут ломаться) сразу после рождения ребенка: младенец чувствует реальность телесной любви между родителями – или ее отсутствие – гораздо раньше, чем в три года.

2. Неприятие Другого (и нежелание ребенка) как следствие распада семейной троицы

Влечение к человеку своего пола можно увидеть не как биологически детерминированное свойство, но как одно из последствий кризиса структуры «отец – мать – ребенок», формирующей и реализующей способность любить и различать Другого на уровне тела и на уровне отношений с близкими и с миром. Такая история вырисовывается из автобиографической прозы Оксаны Васякиной. Как следует из романа «Рана» (2021), повествующем о смерти ее матери, а также из нескольких интервью, ее родители расстались, когда ей было девять лет, – и в этот момент ее отношения с матерью и телом меняются. Она перестает чувствовать себя ребенком родителей, плотью от плоти их любви – и собственная плоть вызывает у нее отторжение. Она начинает стесняться себя и своего тела, стесняться своей любви к матери, которая становится после развода навязчивой и неутолимой потребностью. До развода они были «мама – папа – дочь», а после развода она видит себя как тело, которое нуждается в матери – которая тоже превращается для нее в тело, в части тела: ноги, руки, груди, ногти, соски:

Она поддевала красивым длинным ногтем ломтик розовой колбасы, поднимала его высоко и как-то по-особенному, торжествующе кормила сама себя. Я пишу «кормила сама себя» именно потому, что в эти моменты она как бы разделялась на две части, руки и голову. Рука была кормящей, она цепко держала кругляшок колбасы на уровне глаз. А голова с тяжелым квадратным подбородком, как животное, подстраивалась под эту колбасу, хватала ее зубами (Васякина, 2021: 110).

О гармонии с матерью Васякина пишет только один раз – когда описывает фотографии до развода, где они все вместе: мать, отец и она, и рядом рыба, которую поймал отец и сварила мать. Это было до развода, на фото ей лет пять. Все последующие воспоминания – после девяти лет, и они пронизаны ее неутолимой тоской по матери, по телу матери. Первый и самый яркий такой эпизод – летом, на пляже, когда ей было девять лет,

видимо, как раз после развода (в другом месте в книге и в интервью она говорит, что родители развелись, когда ей было девять).

Обычно она [мать] шла загорать с подругами, иногда брала с собой меня, но от меня были только одни неудобства: я то загораживала ей солнце, то укладывалась рядом с ее раскаленным телом и раздражала своими ледяными мокрыми ногами. Маленькую меня всегда нужно было контролировать – время пребывания в воде, панамку на голове, чтобы та всегда была на месте. Я вечно была голодной и постоянно клячила еду. Я съедала дневной запас бутербродов за первые полчаса, а потом канючила, что хочу мороженое или сладкую вату. От меня всегда было одно беспокойство. Я хотела внимания, а мама хотела покоя, тишины или размеренной беседы с подругами о сплетнях или рецептах огуречных масок на глаза (Васякина, 2021: 81).

Именно этим летом без отца, на этом пляже, страдая от того, что мать раздражается от ее ледяных мокрых ног, она влюбляется в девочку, с которой купается на этом пляже. При этом девочка совершенно не является близкой, личностью, Другой. Васякина не помнит ее лица, не помнит имени. Но потребность в теле матери, в том, чтобы согреться о ее теплое тело, переносится на тело девочки; ее тело хочется съесть, им хочется обладать полностью, что невозможно с матерью:

Я лежала на одеяльце, а девочка сидела передо мной на коленях. Ее мама тоже прикрикнула, чтобы она утомилась и легла. Тогда девочка опустила руки и согнула их в локтях, пристраивая торс на теплом одеяле. В воздухе остался ее оттопыренный узкий таз. Пристроившись грудью на одеяло, она опустила и его. Однажды по телевизору я смотрела передачу о детенышах косуль или оленей, они были маленькими, неуклюжими, и их скелет как будто был сделан из тончайших спиц. Эти животные укладывались на траву. Сначала они опускали переднюю часть тела, затем заднюю. Я подумала тогда, что эта девочка – как олененок. И сказала ей, что она в своем движении похожа на олененка. Я любовалась ею, как своей любовью. Мне ужасно нравилось ее тело. Все оно было как нежный леденец, который мне хотелось положить в рот.

Блеск ее кожи на солнце и ямочки на пояснице до сих пор стоят у меня перед глазами. Осознала ли я тогда, что то, что я испытываю к этой девочке, – эротическое возбуждение? Знала ли я, что оно существует? Я не помню, но помню, что это чувство меня несколько не напугало, оно меня возвысило, сделало чем-то очень большим. Я хотела умереть за нее (Васякина, 2021: 82–83).

Героиня «Рань» влюбляется в девочку, хочет умереть за нее, – но девочка для нее не человек, а божество или животное. Она кажется ей похожей на олененка; героиня чувствует ее как части тела (и так же обостренно воспринимает свои части тела):

Девочка была другая. Она была вся другая и отдельная, как если бы мы были существами разного порядка. Моя кожа была мраморно-белая, и на ней то тут, то там проступали малиновые пятна солнечных ожогов. Кожа девочки была толстой, упругой и золотистой. Ее кости были длинные и аккуратные, а движения плавные, я была угловатой, скованной и очень стыдилась своего неловкого в материнском строгом взгляде тела (Васякина, 2021: 82–83).

Васякина видит свое тело как нечто несуществующее само по себе, как собственное *отражение* в материнском взгляде. В строгих глазах матери не отражается больше отец, в них нет места для Другого – и дочь стыдится своего тела в строгом взгляде матери. Ей хочется иного тела, хочется быть иным телом – и она обращает эту потребность на первую же, случайную

почти девочку (дочь далекой знакомой, с которой они играли один раз в жизни).

Что женское однополюе влечение связано с тоской по матери – это почти общее место психоанализа. Но наш тезис немного иной: и влечение к женскому телу как к матери, и его гомосексуальное избегание – это явления одного порядка, и связаны они с отсутствием Третьего. При исчезновении или неприятии отца (не отца как родителя, с которым ребенок имеет отдельные отношения, но отца как мужа матери, как Третьего в триаде «отец – мать – ребенок») мать становится неразличающим и неразличимым сверхтелом, личность становится заменой и отражением. Наличие Третьего – это условие различения Другого.

Нечто подобное высказал, на своем своеобразном языке, Лакан. В его поздних теориях (начиная с «Римской речи» 1953 года) субъектные отношения возникают тогда, когда есть доступ к регистру символического, который впервые открывается в эдипальном конфликте. Только если для ребенка есть место для отца, «имя отца», только если ребенок различает и слышит отца, который дает запрет на полное обладание матерью, – только тогда, говорит Лакан, появляется закон, а также возможность социальных, различающих межличностных отношений и языка. Только если есть «имя отца», возможны отношения троих – и тогда в этих отношениях возникает Другой и возникает язык. Лакан описывает фигуру отца не как инстанцию запрета, носителя безличного и требовательного закона, но как спасителя: ребенок пребывает внутри желания матери как в пасти огромного крокодила, в бессубъектном симбиозе, – отец же защищает его от поглощения, от смыкания челюстей (Лакан, 1993: 112).

Без «имени отца» мать не различает ребенка как ребенка, а ребенок не различает своих родителей. В свою очередь, мать не различает мужа как Другого, если не различает его как отца своих детей, а отец не различает ее как Другую, то есть как мать детей. Иными словами, различение Другого в сексуальной любви возможно только при наличии трех разных лиц (отец, мать, ребенок). Если же нет «имени отца», то недоступно то, что Лакан называет символическим регистром, и человек застревает в регистре воображаемого, в стадии зеркала. Без «имени отца» ребенок остается (или оказывается) в полумладенческом состоянии, когда он не отличал свое тело от тела матери, когда он не мог ощутить себя как цельное тело – и испытывал тягу к тому, чтобы смотреть на себя в зеркало, но не мог идентифицировать свое «я» как «я» и Другого как Другого.

Если это верно, то Васякина без отца не может идентифицировать себя: она становится зависимой от холодного материнского взгляда. Она теряет мир, «порядок символического»; после ухода отца миру нет места в ее любви к матери, и она не приемлет больше любовь матери к Другому:

Она выбирала мужчин, но не меня. А я заворожено наблюдала за ее выбором и горько, огненно, зло ревновала. Она была моя, но принадлежала не мне, не принадлежала мне и ее тихая загадочная улыбка. Мне оставался только холодный взгляд, скользкий по пространству, смотрящий сквозь меня. Вечное нарциссическое кружение моего внимания вокруг меня самой есть не что иное, как попытка найти и утвердить себя здесь, в холодной пустой матрице. Из пустого места указать на пустое место, чтобы там

все сгустилось хотя бы чуть-чуть. Чтобы я смогла увидеть себя саму и двинуть пальцем. Двинуть пальцем и признать, что это сделала я сама (Васякина, 2021: 87).

Так Васякина именно в первое лето отсутствия отца, на пляже, пытается телесно прильнуть к матери и бьется о невозможность полного обладания – и перенаправляет свою тягу на первую попавшуюся девочку, на «другую мать», с которой можно «улучься рядом».

Все это позволяет поставить под вопрос идею, что главное в сексуальной ориентации, влечении, идентичности – это сексуальный объект; идею, что главное различие – между теми, кого привлекают люди своего пола, противоположного пола и обоих полов соответственно. Нет; как уже было сказано, главное, первичное, фундаментальное – не объект влечения, а то, двоичными или троичными оказываются отношения; троичные же отношения в любви – не обязательно отношения трех, но те отношения, в которых есть место для Третьего (ребенок, другой любимый или слово). При этом Третьими для ребенка являются – исходно – именно отец как Другой относительно матери и мать как Другой относительно отца. Если ребенок решает, что отец и мать не любят друг друга, это надламывает его образ троицы, способности воспринимать и встраиваться в структуру троичной любви – любви свободной и бесконечной, открытой Третьему. Тогда он выпадает в «двоицу» с одним из родителей, входит с ним в симбиотические отношения, а другого родителя отторгает – и его экзистенциальным переживанием становится смерть (конечность).

Другим фактором, обуславливающим создание двоичной структуры, является *развод родителей*. Родители могли жить в любви в детстве ребенка, любви друг к другу (одного типа) и к ребенку (другого). У такого ребенка есть опыт троицы, опыт любви, различающей Другого, опыт бесконечности (анти-смерти). Тем сильнее катастрофа образа троицы, возникающая при разводе родителей: конечность оказывается сильнее бесконечности, любившие друг друга родители расстаются не от смерти, но от отказа друг от друга, оттого, что решили заменить друг друга на кого-то еще. Такой развод провоцирует у ребенка страх троичной любви как таковой, потому что она кончается слишком болезненной катастрофой.

Эта травма и провоцируемая ею защитная реакция от троичной любви во плоти может не рефлексироваться, может не выражаться на видимом благополучии развития ребенка, но она всплывает, как только человек сталкивается с собственной троичной любовью – с тем, кого он любит так, что мог бы захотеть от него детей (хотя бы на телесном уровне, не на уровне осознанного планирования). Защита у тех, кто пережил катастрофу троичной любви (в своей или родительской семье), может выражаться по-разному, но в любом случае это будет выпадение в двоицу: в способность любить только одного человека, отторгая Третьего, в нежелание ребенка или в потерю отношений с супругом после рождения ребенка.

Очень часто следствием развода родителей является рефлекторная катастрофа троицы в собственной семье: когда рождается ребенок, один из родителей оказывается неспособен принять, что его любимый любит ребенка; он оказывается неспособен *различать* ребенка как их общего ребенка и мужа/жену: например, видит в ребенке свою копию и отражение,

воспринимает его как проекцию собственных неудовлетворенных потребностей, а супруга отторгает – или просто начинает тяготиться семьей как таковой.

3. Мир без Другого

Кризис троичной любви, выбрасывающий в неприятие Другого и желание подконтрольных отношений и проявляющийся в том числе как гомосексуальное влечение, может быть связан не только с отношениями в треугольнике «отец – мать – ребенок». Это случается и в подростковом, и в зрелом возрасте. Отвержение Другим – тем, с кем возможен ребенок и троица, – выбрасывает человека в мир, где нет Другого и где человек видит только таких, как он.

Так случилось с королем Баварии Людвигом II, героем финальной части «немецкой трилогии» режиссера Лукино Висконти («Людвиг», 1973). Решающее событие фильма, то, с чего начинается сюжет и трагедия короля, – это юношеская влюбленность Людвига в свою кузину, австрийскую императрицу Сиси, которая сначала отвечает его чувствам (они даже целуются), но потом резко отстраняется по причинам социального порядка и вдобавок форсирует женитьбу принца на своей сестре. Не-воплощение, невозможность реализовать любовь выбрасывает Людвига из реальности в мир вне времени, романтических фантазий, замков и экстравагантных поступков; влечение к людям своего пола тоже оказывается одной из форм отказа от реальности, где его любовь была отвергнута.

Герой автобиографического рассказа Дэвида Планта «Принцесса из Африки» (1985), американский студент Дэниел, едет на теплоходе в Европу и влюбляется в Анджелу, чернокожую женщину старше себя. Она для него настоящий Другой: иная по расе и по социальному статусу; с ней есть и любовь, и разговор, и неожиданный поступок (она пишет ему в Париж, и он приезжает к ней в Барселону, в неизвестность), и принятие Третьего (герою нравятся дети Анджелы, он играет с ними и заботится о них). Но героиня сама в разводе и медлит в самый критический момент отношений (о связи опыта развода и «паралича» в любви мы поговорим ниже), – у них не случилось воплощения любви, когда Дэниэл сделал прыжок и приехал к ней, а она показала ему его спальню и ушла на работу. И именно после такого «облома» и не-воплощения главный герой спит с юношей, одним из гостей Анджелы, случайным человеком, с которым у него нет ни разговора, ни отношений: они просто один раз искупались вместе в море и сразу легли в постель. Так запускаются все элементы двоичной структуры (бессловесность, уход от мира, фиксация на себе, части тела). На следующее утро Анджела, чуть не плача, уже прямым текстом спрашивает, почему Дэниэл не переспал с ней, но уже поздно, и ей остается только спеть для него грустный блюз (Plante, 1994).

Конечно, кризисы любви, моменты разрыва отношений и непереносимости Другого, попадание в мир, где видишь и воспринимаешь только людей своего пола, происходили с людьми, вероятно, всегда – но они могли проходить незамеченными и не судьбоносными, как неявные аффек-

ты. Разница в том, что сейчас возникла система, которая кладет под эти ощущения и влечения мощную *смысловую структуру* – то есть систему, утешающе объясняющую весь мир и место субъекта в нем. Мощь культуры, науки, искусства, экономики, общественных институтов поддерживает эти ощущения как истинную сущность, идентичность, жизненный выбор – и дает опору, обоснование.

Современная американская писательница Элиф Батуман, филолог, ценительница классической русской литературы, известна двумя полуавтобиографическими романами о приключениях гарвардской студентки в 1990-е. Как и ее героиня, Батуман до 38 лет выстраивала сложные и мучительные отношения с мужчинами и в какой-то момент, видимо, «надорвалась». Потом она влюбилась в женщину – и тут для нее все стало просто – и ее собственный опыт, и весь мир: (романтической) любви нет, это миф и мужская пропаганда (как пишут вдохновившие писательницу Суламит Файрстоун и особенно Адриенн Рич, автор «Принудительной гетеросексуальности»), она ничем не отличается от войны. Реальна только двоица – мужчины против женщин, власть, угнетение, насилие:

С юности я думала, что это «новеллистично», эстетично и продуктивно – тратить всю свою эмоциональную энергию на отношения с мужчинами, которые были ограничены в своей способности любить, с мужчинами, которые не могли ответить на мои чувства или воспринимать наши отношения так же глубоко, как и я. Я эстетизировала такие отношения. Я думала, что это интересно, красиво, содержательно, сложно, необходимо и неизбежно. Когда я в 38 лет влюбилась в женщину, я сначала беспокоилась, что это не продлится долго, что я не смогу жить без любви мужчин. Я беспокоилась о том, что мне «нужно» быть рядом с мужчинами. К моему удивлению, все оказалось иначе.

Когда я приняла это, я стала думать о любовных отношениях как о некоей пропаганде. Роман говорит мужчинам и женщинам, что они не могут жить друг без друга (хотя он также говорит им, что они обречены делать друг друга несчастными). Классический роман заманивает маленьких мальчиков к сдаче себя армии или государству, побуждает маленьких девочек отдавать свои тела и души мужьям и детям. Нас воспитывают уязвимыми к романтике, к очень определенному типу романтики... По сути, это способ придания порабощению привлекательности, чтобы дети (не имеющие власти) свободно «выбирали» его для себя (Батуман, 2019).

4. Двоица в обществе: развод и контрацепция

Можно предположить, что современность стала веком двоицы, где эта структура превращается в главную форму выстраивания любовных отношений и, шире, восприятия мира – но вовсе не по причине гомосексуальности. Взрывной рост людей гомо- и бисексуальной ориентации на Западе сейчас, особенно среди новых поколений (YRBSS, 2021), – это скорее следствие. Причина же – другая: никогда до XX века отношения мужчины и женщины не реализовались – *но и не разрывались* – с такой легкостью.

Сначала, в 1970-е годы, был нормализован и легализован развод по простому желанию супругов, без серьезных причин (Wilcox, 2009; Sanjian, 1991). Все больше стран Земли если не возвращаются к краткосрочным парам других приматов, то уже вышли за пределы исторически среднего уровня разводов для человеческих обществ: в США, Китае, Европе, вклю-

чая Россию, сейчас около половины браков кончается разводом (Data Analysts..., 2023). Этот процесс связан в том числе с сексуальной революцией второй половины XX века: она звучала как не просто право любить кого хочешь, но и право спать с кем хочешь. Но это же право стало означать, что можно бросать кого хочешь и когда хочешь, что не могло не увеличить «травматичность» любви и не привести к дальнейшему вытеснению любви (как непредсказуемой и мучительной) контрактными «отношениями» на комфортных условиях⁴. Далее, в конце XX века, произошло отделение не только брака от любви и секса, но и секса от любви, что означало нормализацию чистого удовольствия сексуализированного тела вообще без отношений. Но для нас в этих процессах важнее иное: контрацептивный секс и учащающиеся разводы, разрывы любовных отношений мужчины и женщины, укрепляют двоичную структуру⁵.

Если вспомнить, что в течение тысячелетий до открытия эффективной контрацепции отношения мужчины и женщины были связаны с зачатием, можно предположить, что любовь в человеческом обществе потенциально троична. Третьим может быть ребенок: как бы ни застывали отношения в устойчивых моделях, ребенок меняет систему, он и создает «отношения» – что-то более сложное и разнообразное, чем «абьюзер – жертва», или «хозяин дома – покорная супруга»; и также Третьим может быть слово: разговор всегда непредсказуемо меняет систему. Люди рождаются из любви родителей, они возрастают в ней, и она становится для них образом любви бесконечной. Эту любовь можно понимать как таинство сочетания двоих, Я и Ты, где есть место Третьему, который воплощает в себе родителей и в котором они переливаются⁶.

Конечно, на это можно возразить, что и брак по любви, и любовь к детям – это исторически очень поздние явления, чуть ли не XIX века (Coontz, 2005: 15–23, 145–230; Арьес, 1999: 363–404), а раньше был только секс в вынужденном браке и производство помощников-слуг в жестко организованных патриархальных хозяйствах. Однако цельная структура воплощенной в теле любви, брака и деторождения всегда существовала как обозначенная в культуре возможность – пусть и не как обязательность (нормативность). Если не признавать такой возможности, то придется считать, что до XIX века никогда не было любви между мужем и женой, а родители никогда не любили своих детей, а только производили себе слуг, что противоречит массиву исторических, этнографических и литературных источников со всего мира. И здесь можно вспомнить не только хрестоматийные примеры (Одиссей, Пенелопа и Телемак; Иаков и Иосиф...), а еще и случаи, когда в отношениях по принуждению, без любви, рождается ребенок, даже нежеланный, – но он рождается, и родители неожиданно становятся ближе, как в «Непрощеной повести» Нидзе (самурай и куртизанка в Японии XIII веке). Наконец, в нынешнее время, когда брак по любви стал универсальной нормой (Coontz, 2005; Космарский, 2022: 27–28), распространившись по всей планете в ходе «романтической революции» XIX–XX веков, образ семьи как троичной любви уже точно не может считаться далекой от реальности абстракцией.

Тем не менее, отношения, живые в начале романа, в любом браке имеют тенденцию к застыванию в устойчивых моделях, когда за каждым партнером закрепляется свой паттерн, своя привычная роль, что делает невозможной свободную коммуникацию. Но даже если отношения между мужем и женой исходно сводились к нулю, каждый новый ребенок неизбежно создавал их и менял – хотя бы на минимальном уровне. Он обуславливал необходимость заботиться о жене, обсуждать новые проблемы, тренировал навык решения конфликтов, то есть привычку договариваться и прощать, – и между родителями, и между братьями и сестрами.

Семейная триада, безусловно, не ограничивается единственным ребенком, то есть семьей из трех по счету людей; принципиальна именно открытость пары Третьему. Когда ребенок рождается и достигает возраста, когда он уже может разговаривать, то есть иметь отношения не только с матерью, но и отцом, семейная структура состоялась; в этот момент, когда она «закончена», она открыта новому ребенку. Возникшая структура может быть искаженной – когда, например, мать находится в симбиозе с ребенком, а отец оказывается лишним, или, наоборот, родители вместе выступают против ребенка. Но именно открытость Третьему не делает это искажение фатальным. Когда структура состоялась, ее субъекты застыли в законченных ролях и нединамичных (двоичных) отношениях, может родиться Третий, и структура снова изменится. Например, самый старший ребенок привяжется к младшему, поскольку он уже далек от соперничества за материнскую грудь: в его мире появится место для сиблингов, он начнет общаться и со средним братом, и они перестанут соперничать за мать; или отец включится в отношения с детьми; или просто дети сблизятся между собой, станут самостоятельной командой, и у родителей будет возможность посвящать время друг другу. Принцип триады – в спонтанности, свободе, открытости. Рождение детей реализует этот принцип: сложилась структура, со своими тупиками и пределами – и тут появляется новый ребенок, и структура меняется, начинаются новые отношения.

Важно отметить, что ребенок, рождение ребенка – не обязательное условие троичной любви. Она возможна и у бездетных пар, и у не связанных узами брака – как показывает история отношений Арндт и Хайдеггера (см.: Бартошевич-Жагель, 2022⁷). В троичной структуре любовь двоих порождает ребенка или слово (разговор) – непосредственную, непредсказуемую коммуникацию, то есть возможность призвать новый смысл или нового субъекта. Иными словами, в триаде в любой момент может произойти чудо. В словесных отношениях эта открытость Третьему проявляется в том, что в любой момент может явиться новая незапланированная мысль, меняющая людей. В отношениях же телесных – в том, что в любой момент может появиться человек, похожий на того, кого любишь, плоть от плоти его. При этом дети – это биологически и социально предельно общедоступная и слаженная форма троичности⁸. Каждый ребенок – это инъекция троичности в отношения, их революционная, *volens nolens*, перетряска. Поэтому когда опыт детности, и особенно неконтрацептивной, не планируемой детности, становится все более редким, троичные отно-

шения – в масштабах общества – все сложнее пережить, помыслить, даже представить.

Если рассматривать Третьего как (спонтанное) слово, которое всегда может явиться и поменять отношения, или (непланируемого) ребенка, который всегда может явиться и поменять отношения, то очевидно, что со свободным словом всегда были проблемы в человеческих сообществах – и в государстве, и в семье. Однако место для ребенка в отношениях мужчины и женщины, вплоть до XX века, было всегда – и это поддерживало минимальное основание троичной структуры. Она могла хотя бы мыслиться – в произведениях культуры, которая всегда была перпендикулярна однозначным границам общества, которая говорила о любви и коммуникации. Но сейчас минимальная база троичности исчезла: контрацепция сделала возможным недопущение ребенка, а развод окончательно упрощил двоичную структуру, создал для нее внутреннее основание.

Люди, пережившие расставание со значимым Другим, и особенно дети, пережившие развод родителей, то есть разрыв любви, теряют способность к троичным отношениям с бесконечным общением, без оглядки на конечность и смерть: «Научные исследования четко показали связь между разводом родителей и страхом привязанности/сближения (commitment) у взрослых детей... Исследования в этом направлении заставляют предполагать, что развод родителей снижает прочность не только брачных уз, но и добрачных романтических отношений» (Emery, 2013: 29; Wallerstein et al., 2000).

Итак, развод воплощает слом троицы в семье, а контрацепция блокирует саму возможность Третьего. Именно поэтому, вероятно, в современном мире гетеросексуальные отношения сближаются с гомосексуальными. Нормой стало то, что социолог Энтони Гидденс обозначил как «чистые отношения», которые основаны исключительно на приносимом участникам удовольствии и которые могут быть разорваны любым партнером в любой момент (Giddens, 1992: 134–157; Löfström, 1997: 36). Союзы геев и лесбиянок всегда были близки принципам «чистых отношений», и они первыми испытали то, что сейчас становится все более распространенным среди гетеросексуальных пар (Giddens, 1992: 135) – только два тела ради удовольствия друг друга, больше никто не нужен:

Начиная с 1960-х годов условия жизни «гетеросексуалов» и «гомосексуалов» всесторонне сравниваются друг с другом. Обе группы (и это касается и мужчин, и женщин) выработали одинаковый стиль жизни. Гетеросексуалы тоже понимают, что брак и нуклеарная семья – не единственный вариант; они так же разводятся и образуют различные формы интимных связей и семейной жизни. Они так же испытывают промискуитет и серийную моногамию... Они так же наслаждаются анальной и оральной сексуальностью – или испытывают удовольствие, смотря на нее по телевидению. Они так же воспринимают гендер как сферу выбора или пространство игры, а не нечто естественное и прочное. Короче говоря: любая черта, которую можно было бы считать специфически гомосексуальной, становится все более распространенной среди всех... Таким образом, гомосексуалы исчезают – но специфическим образом: не потому, что они становятся как гетеросексуалы, «интегрируются» или «возвращаются к норме». Скорее наоборот: специфически гомосексуальное поведение исчезает – в том смысле, что все, независимо от сексуальных предпочтений, ведут схожий образ жизни и интимные отношения (Bech, 2006: 164).

Поэтому логично, что все больше людей вполне гетеросексуальных и семейных, но защищающих право на контрацепцию и развод, на свободу разрыва отношений, с такой симпатией говорят о гомосексуалах. *Поэтому же развод родителей, слом семейной троицы, превращаясь во все более массовый опыт, выталкивает вырастающих детей в двоичную структуру любовных отношений⁹ как более предсказуемую и безопасную – и в гомосексуальность как одно из проявлений этой структуры.*

Опыт выпадения в двоицу в личных отношениях в современности становится все более распространенным и ярким. Двоичная структура уже вышла за пределы индивидуальных жизненных коллизий и насыщает массовые формы восприятия реальности – например, политики, где видят логику насильника и жертвы, где те, кто объявлен жертвой, и сострадающие ей заведомо находятся на «правильной стороне истории», а тот, кто объявлен насильником, – на «стороне зла». Двоица определяет и восприятие иных сфер социальности: это и детско-родительские отношения (где ребенок априори позиционируется как жертва), и отношения с супругом или сексуальным партнером (где в любой конфликтной ситуации мужчина по умолчанию воспринимается в общественном мнении как насильник, абьюзер), и эти же отношения в художественной литературе и кино (где, наоборот, женщина часто оказывается единственным героем, без Другого, а мужчины – пассивные статисты), и отношения с любыми властными структурами, будь то преподаватели или начальники по работе (где ученики или подчиненные воспринимают себя как жертву).

Важно подчеркнуть, что эти установки проникают повсеместно, независимо от сексуальной ориентации авторов и потребителей культурных продуктов. В современной детской литературе для дошкольников (европейской и американской) базовой структурой становятся отношения, где есть *двое партнеров, и мир им не нужен*. Если в традиционных западных сказках герои выходили в большой и опасный мир, проходили много стран и испытаний, физических и психологических, с другими людьми, соперниками, помощниками, друзьями и добивались своей цели (любви прекрасной принцессы, богатства, спасения друга и так далее), то в современной детской книге, где партнеров двое, обычно одного пола, нет ни подвигов, ни испытаний, ни путешествий. Например, в известной серии книг шведского писателя Свена Нурдквиста про Петсона и его котенка Финдуса герои живут вдвоем в деревне и других людей воспринимают или как угрозу, или как что-то ненужное. У Петсона нет жены, и, как он сам прямо говорит в первой книге, она ему не нужна, как и дети; он замыкается в своем одиночестве, а котенок, младший, не-другой, насыщает его и окончательно «закрывает» самодостаточный мир Петсона. Приключения, выход в большой мир туда тоже не вмещаются: однажды герои пытаются пойти в поход, но не уходят дальше своего сада.

Такой же отказ от отношений, приключений и путешествий происходит в книгах известного немецкого писателя Яноша (Х. Эккерта) «О, как ты прекрасна, Панама». Герои его популярной серии – также двое «партнеров», Тигренок и Медвежонок. Их гомосексуальность не обозначена прямо, но иллюстрации автора, по мнению критиков, в сочетании с дета-

лями, делают эту книгу образцовым примером толерантности к меньшинствам (Fleischbein, 2019). Тигренок и Медвежонок заботятся друг о друге, то обнимаются, то вместе готовят еду, но ни другие существа, ни мир им не нужен. Они тоже пробуют отправиться в путешествие, как Петсон и Финдус, и тоже понимают, что их старый дом прекраснее любой страны.

Те же тенденции отличают и современную взрослую литературу (при всем понимании того, что это сложный сюжет, и здесь мы только слегка касаемся его). Она говорит о различных сложностях жизни, проблемах, конфликтах – но не о любви двух равных Других. В центре повествования ключевых современных произведений – одинокие герои, а чаще героини, пережившие насилие, мучающиеся от последствий травм, – как, например, в романе «Маленькая жизнь» Ханьи Янагихары или в автобиографических романах Арни Эрно, нобелевской лауреатки 2022 года. В классической западной литературе герои могли умереть или потерять любимого(-ую), но любовь побеждала, она продолжала «звучать» при любой трагической развязке. В современной же литературе любовь мужчины и женщины не может победить, она вообще становится чем-то сомнительным и преходящим – или/и лишь источником насилия. Именно так представлены в «Неаполитанском квартете» Элены Ферранте отношения с мужчинами: они то появляются, то исчезают без следа, а единственным стержнем становится связь двух женщин – причем это отношения не с Другим, поскольку они основаны на зависти, на вечном неутоленном порыве присвоения подруги и ее даров, ее мужчин, фактически – к уничтожению ее.

То же обнаруживается и в совсем иной традиции – в отечественной «женской прозе», выросшей не из импортных воздействий феминизма и квир-тематике, а из советского и постсоветского опыта женщин – как (характерный пример) у Галины Щербаковой (1932–2010). В ее романах все женщины-героини гетеросексуальны; любовь, отношения с мужчинами – главный двигатель сюжета и стержень их жизни. Но любовные истории героинь Щербаковой – это постоянные разрывы отношений и разводы; «отбить мужика» – дело житейское, проза жизни, равно как и аборт. Мужчины, при всей драматичности романов, оказываются статичными фигурами на периферии или шаблонными любовниками, а не уникальными Другими. Реальны же, полны чувств и слов, отношения только между женщинами (психотерапевтом, матерью, дочерью, следовательноницей), делящими деньги и мужчин, – и даже лесбийство глухо проговаривается в завязке повести («Спартанки»).

Еще раз подчеркнем, что двоица – это не порождение современности, тогда как в благословенной старине люди якобы жили в правильных троячных семьях и все было хорошо. Напротив, историческая этнография семейной жизни говорит о разделенности мужского и женского миров, гомосоциальности: мужчины общаются только с другими мужчинами, а женщинам достаются только секс и побои, как во Франции XVIII века (Phillips, 1976: 208ff); женщины же дружат и общаются только с подругами и родственницами, в женском социуме. Можно вспомнить еще более крайние формы, вроде греческих полисов или некоторых ближнево-

сточных обществ: разговор, философия, любовь – только у мужчин друг с другом и с юношами, а женщины – бессловесные существа для ведения хозяйства и рождения детей (el-Rouayheb, 2005: 35). Тем не менее, противовесом этой гомосоциальности выступали как рождение детей и любовь, которые неожиданным образом меняли застывшие отношения и чувства супругов друг к другу, так и, наконец, культура, которая, в поэзии, песнях, сказках удерживала любовь как идеал.

Но впоследствии вся новая история – сначала Европы, США и России, а потом и остальных стран Земли – стала победой троичной любви через утверждение брака по любви как нормы, развитие автономии пары (мужа и жены) от давления социума и распространение нуклеарной семьи. Любовь стала сначала ключевой темой западной культуры, а затем, в ходе романтической революции XVIII–XIX веков, главным критерием выбора супруга и основой семьи по всему миру; брак по расчету или по принуждению родителей стал восприниматься как неправильный и обреченный на несчастье (Stone, 1977: 282–358; Lystra, 1989: 28–54; Watt, 1993). Далее это новое представление о браке распространилось сначала по Европе, «спускаясь» до рабочих и крестьян, а потом по другим странам, до Индии, Китая, Африки (Goode, 1968: 19).

«Глубоких, доверительных отношений между супругами, особенно в интимной сфере... было достичь нелегко перед лицом раздельных мужской и женской сфер жизни, подавления сексуальных желаний и сильных культурных, практических и моральных ограничений на автономию семейной пары. Сейчас такие отношения оказались достижимыми» (Coontz, 2005: 203). Другими словами, телесная любовь мужчины и женщины как взаимная, на равных, без владения и принуждения, и при этом в браке, не боящаяся ребенка, но желающая его, – редкое явление (как минимум, начиная с неолита), столь же редкое, как и отношения с ребенком на равных. Именно поэтому троичность отношений всегда было сложно и помыслить, и увидеть (в отличие, например, от влюбленной пары или Богородицы с ребенком). Но открытие детства – сначала различение ребенка как самостоятельной фигуры, и потом, с XVIII–XIX веков, любовь родителей к ребенку как общественная норма¹⁰ – наряду с браком по любви на Западе (а потом и в других странах) все изменили: троичная любовь в треугольнике «отец – мать – ребенок» стала исторически возможной.

Однако с 1970-х годов эти новые противовесы двоичности в большой степени оказались выбиты культурой разводов и контрацепцией – и двоича взяла сильнейший реванш.

Заключение

Действительно, *the personal is political*: опыт двоичности в теле и личных отношениях влияет на структуры мысли и формы политического действия. Систематическая сменяемость партнеров (любого пола) и обнаружение их «насильственности» для людей, героизация разрыва (breakup culture) приводит к тому, что моральные дилеммы верности и предательства, долга и чувства, проблемы морального выбора теряют свое значение.

Само слово «мораль» происходит от латинского *mos majorum* – обычай предков, и существовала мораль в обществе родовом, семейном, гетеросексуальном. Так называемая новая этика (при всей неоднозначности этого понятия) сейчас стала настойчивой и громкой, потому что она не является больше постоянным собеседником мыслящего субъекта, но безапелляционно вмещивается извне. Человек больше не готов себя «насилловать» верностью, сложными конфликтами с семьей, родами и необходимостью жертвовать жизнью ради жены, детей, мужа, хранить верность, если это противоречит его чувствам, – все, на что он шел, будучи принужден «моралью» гетеросексуального общества, или шел (или отвергал) во внутреннем диалоге с «моралью» (и с Другим).

В результате сложные отношения для современного, не готового к «моральным дилеммам» субъекта ощущаются как невыносимые – и на помощь приходит новая этика, которая жестко определяет границы, четко разводит участников сложных отношений на «абьюзеров» и «жертв», так что «жертва» (или мыслящий, или пишущий с позиции жертвы) оказывается априори прав, а «насилвник» (или не сочувствующий жертве) – априори преступником, который изгоняется из общества, из сферы частного или общественного диалога, читательского сочувствия.

Новые победы двоичной структуры, по-видимому, происходят синхронно с утратой Другого. Речь идет, во-первых, о том, что в отношениях сейчас собственные желания, эмоции, ощущения, травмы становятся высшим законом, более весомым, чем чувства и желания другого человека – как пишет, например, социолог Ева Иллуз. Во-вторых, размывается уникальность человека, ценность его отличия от не-человека – и это не просто философия постгуманизма в разных ее изводах (Шеффер, 2010; Брайдотти, 2021), а именно нарастающее неразличение созданных искусственным интеллектом (прежде всего, большими языковыми моделями), с одной стороны, и человеком – с другой, образов и текстов. Более того, «человечность» контрагента уже не воспринимается как нечто ценное: ИИ все делает лучше, вплоть до психотерапии и кастомизируемых эротических чат-ботов.

Несколько поколений дети в развитых странах растут в семьях с одним ребенком, в которых тот оказывается в центре мира для родителей; и хотя для этих детей любовь, как стихия с ее пертурбациями, и существует, но фокусировка на Другом – нет. В США, Японии, Западной Европе все больше людей вообще отказываются от любых отношений, в том числе от секса, – и одновременно наблюдается огромный взлет популярности порнографии, которая есть в самом чистом виде отрицание Другого. По выражению левого берлинского философа,

тело – с его демонстрационной стоимостью – стало товаром. Одновременно Другой сексуализируется в объект для добычи возбуждения. Когда Другой лишен инакости, невозможно любить – только потреблять. Другой больше не является личностью; он (или она) фрагментирован на сексуальные части-объекты. «Сексуальной личности» не существует... Порнография окончательно стирает инакость. У ее потребителя даже нет полового партнера... порнографический образ не создает сопротивление Другого или Реального... Отсутствие контакта и встречи с Другим – это и есть порно-

графия; аутоэротический контакт и ауто-влечение защищают это от прикосновения Другого (Byung-Chul Han, 2017: 12, 45).

Можно предположить, что во всех обществах до второй половины XX века большинство людей промалывалось через отношения с реальным Другим: сначала – братья и сестры; потом ты спишь с мужем (женой), причем без защиты, чувствуешь его; потом у большинства людей были дети, а ребенок – это настоящий Другой, нельзя от него отдохнуть и его «выключить», его существование постоянно вопиет. Семья была полна жестокости и насилия, но реальность другого человека в ней была бесспорной – а в XXI веке, из-за нормализации жизни вне брака, бездетности, контрацепции (и планирования детей, которое по факту, статистически, означает однодетность), эта реальность начала размываться, и с каждым новым поколением все сильнее.

Конечно, в патриархальной семье нет не то что Другого, но и «себя». Однако через христианство, открытие детства, романтическую революцию, саморефлексию, индивидуализацию, становление этического, волевого, любящего субъекта в XVIII–XX веках люди постепенно начали осознавать и Другого, и себя – и любовь явилась в истории как массовый, социальный факт. Но любовь, которая приходит внезапно и захватывает все существо человека, и телесные отношения между мужчиной и женщиной, от которых получают дети (то есть будущее), – источник такой мощной энергии, таких рисков (ревность, месть, психологические травмы), что возникает желание сделать их максимально безопасными и предсказуемыми. Если в традиционных культурах защиту от непредсказуемой силы и последствий любви искали в договорных и принудительных браках, то сейчас – в уходе от серьезных связей, в легкости разрывов, в контрацепции, в вытеснении «любви» (как непредсказуемой и травматичной) «чистыми отношениями» на комфортных условиях.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации тема № 1022040800353-4-6.1.1; 5.9.1 «Традиции и ценности общества: механизмы формирования и трансформации в контексте глобальной истории» (FZNF- 2023-0003).

² Насколько о потере, стирании Другого можно говорить как об историческом, социальном процессе – вопрос, выходящий за рамки данной работы. Есть давняя и сильная марксистская традиция, опирающаяся на темы отчуждения и реификации; кто-то связывает потерю Другого с дехристианизацией Запада: «С действительным божеством просветителей невозможно личностная коммуникация, и в этом оно парадоксально сближается с архаическими божествами, культ которых не включает в себя ни молитв, ни обетов, ни исповеди и сводится к немым и темным магическим обрядам. Вместо присутствия перед лицом Бога, взаимного предостояния с ним, в современной/архаической религиозной ситуации человек принужден к жертвенному обмену со стихийно-бесформенными существами, которых Эмманюэль Левинас... называет “безликими”, точнее безлицыми богами (dieux sans visage)... Радикальной инаковостью обладает не стихийное Другое, а лично определенное Другое, с которым возможна бесконечная - по времени и по содержанию – коммуникация» (Зенкин, 2012: 306, 307). Мы же говорим о Другом в психологической перспективе – а также этической: видеть Другого – благо, а его потеря – нечто негативное; безусловно, существуют системы, где все ровно наоборот, как у Делеза, где Другой – поле восприятия и структура мира, которую надо отвергнуть ради соприкосновения с чистым миром стихий, так что исчезновение, уничто-

жение Другого также ликвидирует «я», субъекта, порождая прекрасный перверсивный мир без Другого, с чаемым единством сознания и объектов, с бесконечным потоком аффектов и ощущений (Boundas, 1993; Делез, 1999).

³ Развернутый, но не исчерпывающий каталог таких словов дается в работе: (Эльячефф, Эйниш, 2006).

⁴ «Слово “любовь” не просто уходит из повседневного языка, но и нередко используется как антоним “отношениям”. “Любовь” подразумевает неуправляемость... она способна полностью захватить и подчинить своей воле... заставляет жертвовать собой... Зато отношения можно строить в советательном процессе, на контрактных условиях... Отношения – это своего рода страховка от непредсказуемости любви, островок безопасности... Конечно, отношения могут включать в себя любовь – но это совсем не обязательно; удобство здесь гораздо важнее страсти, умение “соблюдать дистанцию” – важнее секса, отсутствие риска – важнее неожиданно нахлынувших чувств» (Аронсон, 2022: 153–154).

⁵ Детальный, с опорой на тексты и эго-документы, анализ того, как двоичная структура возникает из слома троицы и как последняя может вернуться, см. в работе, посвященной отношениям Ханны Арендт и Мартина Хайдеггера (Бартошевич-Жагель, 2022). Отчасти это также выразила теория М. Кляйн: потеря объекта любви формирует черно-белое мышление, что является защитной психондой реакцией (Кляйн и др., 2011).

⁶ Отчасти, на языке категорий своей философии, это выразил Гегель, – хотя и у него ребенок оказывается на грани превращения в абстракцию, будучи понят как недо-троица, где в ребенке отец и мать видят только друг друга. См.: «Отношение любви между мужем и женой еще не объективно, ибо, хотя чувство и есть субстанциальное единство, оно еще не имеет предметности. Этой предметности родители достигают лишь в своих детях, в которых они видят целое их связи. Мать любит в детях супруга, отец любит в них свою супругу; для обоих в ребенке перед ними предстает их любовь» (Гегель, 1990: 219). Кроме того, независимо от философской традиции, в современной психологической науке уже проведено немало исследований по различным аспектам перехода от супружеской диады к родительской триаде, в парадигме «перехода к родительству» (transition to parenthood), причем используются именно такие термины. Зачинателями этого направления стали американская чета Коэнов (см., напр.: Cowan, Cowan, 1992; Twenge et al., 2003).

⁷ В статье показывается, что переход от двоичной к троичной структуре в творчестве Ханны Арендт определяется ее отношениями с Мартином Хайдеггером, ее значимым Другим, разрывами и возобновлением этих отношений. Бинарная оптика формируется в первых же текстах Арендт, созданных в ходе расставания с Хайдеггером в 1920-е годы, и предельное воплощение находит в «Истоках тоталитаризма». И наоборот – в периоды, когда Арендт общается с Хайдеггером, ее мысль приходит к системе, предполагающей место для Третьего, будь то третье мнение или третий(-и) участник(-и) отношений, как, например, в полисной демократии («Vita Activa»). Переход от бинарных оппозиций типа «насилник – жертва» к коммуникативной («троичной») модели стал возможен благодаря опыту примирения с Хайдеггером в 1950 году и общения втроем с его женой; так же как переход к дистанцированным формам коммуникации с ним в 1960-е годы обусловил возвращение к двоичным моделям в позднем творчестве Арендт.

⁸ Напрашивается вопрос – а чем же троичность отличается от, например, полиамории? Короткий ответ на этот вопрос – современная шутка: «Полиамория как коммунизм: на бумаге все отлично, а в жизни какая-то Кампучия получается». Другой, более развернутый ответ: определяющей формой троицы для человека выступает именно родительская семья, ее опыт, так что построение полиаморных отношений втроем неоднократно разбивается в силу непереносимости Другого и опыта развода родителей. И последнее: полиаморию отличают от троичных отношений, в нашем понимании, непостоянство, легкость замены партнеров: она не дает такой опыт перманентности, порождения плоть от плоти и, наконец, измерения времени (связанного с ребенком), как семья.

⁹ Или вовсе в отказ от любых отношений, которые видятся как слишком опасные и травматичные. О страхе перед отношениями как главной, наряду с мастурбацией и порнографией, причине нарастающего с середины 2010-х годов отказа от секса и любых форм совместной жизни см.: (Lei, South, 2021; Wolfinger, 2021).

¹⁰ Речь идет не только о хорошо известному по классической работе Арьеса появлению ребенка как особой фигуры, а не просто маленького взрослого, но и о включении детей в процесс индивидуализации личности (восприятия себя и другого как уникальной личности). Наконец, тот же процесс описывает один из основателей психоистории Ллойд Демос, говоря

о шести сменяющих друг друга стадиях отношения к ребенку: инфантицидная (до IV века н. э.) – характеризуется массовым убийством детей и насилием в их отношении; бросающая/отстраненная (IV–XIII века) – отказ от инфантицида в связи с распространением христианства и практикой передачи родителями детей на воспитание третьим лицам; амбивалентная (XIV–XVII века) – начало вытеснения практики физических наказаний; навязчивая/принудительная (XVIII век) – начало понимания потребностей ребенка; социализирующая (XIX – первая половина XX века) – характеризуется массовым распространением педагогических знаний, а также начального и среднего образования; помогающая (с середины XX века) – характеризуется индивидуализацией процесса воспитания, отказом от физических наказаний и равноправными отношениями между родителями и детьми (deMause, 1974).

¹¹ The article was prepared within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation topic No. 1022040800353-4-6.1.1; 5.9.1 'Traditions and values of society: mechanisms of formation and transformation in the context of global history' (FZNF- 2023-0003).

ЛИТЕРАТУРА

Аронсон П. (ред.) (2022). Сложные чувства. Разговорник новой реальности: от абьюза до токсичности. М.: Individuum.

Арьес Ф. (1999). Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург: Издательство Уральского университета.

Бадью А. (2011). Что такое любовь? // Новое литературное обозрение. № 6. С. 39–54.

Бартошевич-Жагель О. В. (2022). Фрейм «насильник-жертва» как следствие отказа от любви: случай Ханны Арендт // Логос. № 5. С. 37–88.

Батуман Э. (2019). «Художественное» – это разновидность цензуры». В дни московских чтений colta.ru спрашивает писательницу о любви, #metoo и русской литературе // Colta.ru. URL: <https://www.colta.ru/articles/literature/22563-written-in-the-usa-intervyu-elif-batuman> (дата обращения: 05.11.2024).

Брайдотти Р. (2021). Постчеловек. М.: Издательство Института Гайдара.

Бубер М. (1993). Я и Ты // Бубер М. Два образа веры. М.: Республика. С. 15–92.

Васякина О. (2021). Рана: роман. М.: Новое литературное обозрение.

Гегель Г. В. Ф. (1990). Философия права. М.: Мысль.

Гегель Г. В. Ф. (1992). Система наук. Ч. 1: Феноменология духа / пер. с нем. Г. Г. Шпета. СПб.: Наука.

Делез Ж. (1999). Мишель Турнье и мир без Другого // Турнье М. Пятница, или тихоокеанский лимб. СПб.: Амфора. С. 282–302.

Вишневский А. Г. (ред.) (2006). Демографическая модернизация России. 1900–2000. М.: Новое издательство.

Зенкин С. Н. (2012). Небожественное сакральное: теория и художественная практика. М.: РГГУ.

Космарский А. А. (2022). Всемирная история как приближение к любви и отказ от нее // Логос. № 5. С. 1–36.

Кляйн М., Айзекс С, Райвери Дж., Хайманн П. (2001). Развитие в психоанализе. М.: Академический проект.

Куттер П. (1997). Современный психоанализ. Введение в психологию бессознательных процессов. СПб.: Б.С.К..

Лифинцева Т. П. (2016). Я и Не-Ты. Оглушительное молчание мира // Вопросы философии. № 11. С. 15–25.

Сартр Ж.-П. (2000). Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии. М.: Республика.

Шеффер Ж. М. (2010) Конец человеческой исключительности. М.: Новое литературное обозрение.

Эльячефф К., Эйниш Н. (2006). Дочки-матери. Третий лишний? М.: Институт общегуманитарных исследований.

Ямпольская А. (2011). Эммануэль Левинас. Философия и биография. К.: Дух і Літера.

The Disappearance of the Homosexual. Interview with Henning Bech (2006) // *Seidman S., Fischer N., Meeks Ch. (eds.) Handbook of the New Sexuality Studies.* London: Routledge.

Boundas C. V. (1993). Foreclosure of the Other: From Sartre to Deleuze // *Journal of the British Society for Phenomenology.* Vol. 24. No. 1.

Byung-Chul Han (2017). *The Agony of Eros (Untimely Meditations).* MIT Press.

Coontz S. (2005). *Marriage. A History: From Obedience to Intimacy, or How Love Conquered Marriage.* New York: Viking Press.

Cowan C. P., Cowan P. A. (1992). *When Partners become Parents.* New York: Basic Books.

Dabhoiwala F. (2010). Lust and Liberty // *Past & Present.* Vol. 207. No. 11. P. 89–179.

Data Analysts on World Divorce Rates: Ranking of Countries from Highest to Lowest Risk of Getting Divorced. URL: <https://news.cision.com/abcd-agency-ug/r/data-analysts-on-world-divorce-rates--ranking-of-countries-from-highest-to-lowest-risk-of-getting-di,c3747396> (дата обращения: 05.11.2024).

DeMause L. (1974). The Evolution of Childhood // *DeMause L. (ed.). The History of Childhood: The Untold Story of Child Abuse.* Peter Bedrick Books. P. 1–73.

Emery R. E. (ed.) (2013). *Cultural Sociology of Divorce: An Encyclopedia.* SAGE Publications.

Fleischbein R. (2019). Janosch's Tiger and Bear: Teaching and Learning Lifestyle Tolerance // ChLA International Committee. 26 February 2019.

Giddens A. (1992). *The Transformation of Intimacy. Sexuality, Love and Eroticism in Modern Societies.* Cambridge: Polity Press.

Goode W. J. (1968). *World Revolution and Family Patterns.* New York: The Free Press of Glencoe.

Lacan J. (1993). *The Seminar. Book III. The Psychoses, 1955–56 / transl. by R. Grigg.* London: Routledge.

Lei L., South S. J. (2021). Explaining the Decline in Young Adult Sexual Activity in the United States // *Journal of Marriage and Family.* Vol. 83. Issue 1. P. 280–295.

Löfström J. (1997). The Birth of the Queen/the Modern Homosexual: Historical Explanations Revisited // *The Sociological Review.* Vol. 45. No. 1. P. 24–41.

Lystra K. (1989). *Searching the Heart: Women, Men, and Romantic Love in Nineteenth-Century America.* Oxford: Oxford University Press.

Phillips R. (1976). *Women and Family Breakdown in Eighteenth-Century France: Rouen 1780–1800 // Social History.* Vol. 1. No. 2. P. 197–218.

Plante D. (1994). *A Princess from Africa // Penguin Book of Gay Short Stories.* P. 394–414.

El-Rouayheb K. (2005). *Before Homosexuality in the Arab-Islamic World, 1500–1800.* Chicago: University of Chicago Press.

Sanjian A. S. (1991). Social Problems, Political Issues: Marriage and Divorce in the USSR // *Soviet Studies.* Vol. 43. No. 4. P. 629–649.

Spanakos A. P. (1998). The Canvas of the Other: Fanon and Recognition // *disClosure: A Journal of Social Theory.* Vol. 7. № 11. P. 147–161.

Stone L. (1977). *The Family, Sex and Marriage in England, 1500–1800.* London: Harper & Row.

Twenge J. M., Campbell W. K., Foster C. A. (2003). Parenthood and Marital Satisfaction: A Meta-Analytic Review // *Journal of Marriage and Family*. Vol. 65. No. 3. P. 574–583.

Wallerstein J. S., Lewis J. M., Blakeslee S. (2000). *The Unexpected Legacy of Divorce: A 25 Year Landmark Study*. New York: Hyperion.

Watt J. R. (1993). *The Making of Modern Marriage: Matrimonial Control and the Rise of Sentiment in Neuchâtel, 1550–1800*. New York: Cornell University Press.

Wilcox W. (2009). The Evolution of Divorce // *National Affairs*. № 1. P. 81–94.

Wolfinger N. H. (2021). Is the Sex Recession Turning into a Great Sex Depression? URL: <https://ifstudies.org/blog/is-the-sex-recession-turning-into-a-great-sex-depression> (date of access: 05.11.2024).

Youth Risk Behavior Surveillance System (YRBSS) (2021). YRBSS – United States, 2021. Supplementary Tables. Table 4: Number & percentage of students, by sexual identity. URL: <https://www.cdc.gov/yrbss/results/2021-supplementary-tables.html> (date of access: 05.11.2024).

Zaidi B. A., Morgan S. P. (2017). The Second Demographic Transition Theory: A Review and Appraisal // *Annual Review of Sociology*. Vol. 43. P. 473–492.

The Rejection of the Other and the Catastrophe of Trinitarian Love as the Basic Structure of Modernity¹¹

Artyom Kosmarski

Senior Researcher.

HSE University (Moscow).

21/4, Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation.

Researcher.

State Academic University of Humanities (Moscow).

Russian Federation, 119049, Moscow, Maronovsky lane, 26.

E-mail: akosmarskii@hse.ru

Abstract. This article takes a new look at the problems of love, family and sexual relations in the modern world, as well as related shifts in values and attitudes. We introduce concepts that allow us to see non-trivial causal links between the micro- and macro-level: between individuals' personal lives and relationships – and nationwide demographic processes. We question the idea that the primary focus of sexual orientation, attraction, and identity is the sexual object (and hence the primary distinction – between those attracted to persons of one's own sex or the opposite sex). We believe that what matters (primary, fundamental) is not the object of attraction, but whether the bodily and related soul relations are binary or trinitarian. A trinitarian relationship in love is not necessarily a relationship of three, but a relationship where there is room for a Third, whether it be a child, another loved one, or the word. If the child accepts the parents' love for each other, then the child accepts the parent as an Other, as an independent person – i. e., not as his/her property: sees the parent as a person who can have their own independent relationship with the Third. Divorce, realizing the rejection or the substitution of the beloved, provokes in the child the fear of the finitude of love, the fear of trinity love as such – because love ends in too painful a catastrophe. The defense in those who have experienced the catastrophe of trinary love becomes a lapse into the duty – the ability to love only one person, rejecting the Third, and not perceiving the beloved (beloved) as the Other. Having described the duty and the trinity, and their relation to the concept of the Other, we will move from philosophy and psychoanalysis to sociology and politics. We will show how, in the twentieth and twenty-first centuries, the duty is established as the basic structure of relationships and the perception of the world in various spheres, from literature and art to ethics and politics – and this is due above all to the normalization of divorce and contraception in contemporary societies.

Keywords: love, duty, trinity, the Other, homosexuality, divorce, procreation

For citation: Kosmarski A. A. (2024). The Rejection of the Other and the Catastrophe of Trinitarian Love as the Basic Structure of Modernity // *Patria*. Vol. 1. No. 3. P. 75–100.

doi: 10.17323/3034-4409-2024-1-3-75-100

REFERENCES

- Ariès Ph. (1999). *Rebenok i semejnaja zhizn' pri Starom porjadke* [L'enfant et la vie familiale sous l'Ancien Régime], Yekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.
- Aronson P. (ed.) (2022). *Slozhnye chuvstva. Razgovornik novoj real'nosti: ot ab'juza do toksichnosti* [Complicated Feelings: The Phrasebook of the New Reality: From Abuse to Toxicity], Moscow: Individuum.
- Badiou A. (2011). Chto takoe ljubov'? [Qu'est-ce que l'amour?]. *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, no. 6., pp. 39–54.
- Bartoshevich-Zhagel O. (2022). Frejm “nasil'nik-zhertva” kak sledstvie otkaza ot ljubvi: sluchaj Hanny Arendt [The “Abuser-Victim” Structure as the Consequence of the Abandonment of Love: the Case of Hanna Arendt]. *Logos*, no 5, pp. 37–88.

Batuman E. (2019). «“Hudozhestvennoe” – jeto raznovidnost’ cenzury». V dni moskovskih chtenij colta.ru rassprashivaet pisatel’nicu o ljubvi, #metoo i russoj literature [“Artistic’ is a form of censorship’. During the Moscow readings, colta.ru asked the writer about love, #metoo and Russian literature]. Available at: <https://www.colta.ru/articles/literature/22563-written-in-the-usa-intervyu-elif-batuman> (date of access: 05 November 2024).

The Disappearance of the Homosexual. Interview with Henning Bech (2006) // Seidman S., Fischer N., Meeks Ch. (eds.) *Handbook of the New Sexuality Studies*. London: Routledge.

Boundas C. V. (1993). Foreclosure of the Other: From Sartre to Deleuze. *Journal of the British Society for Phenomenology*, vol. 24, no. 1.

Braidotti R. (2021). *Postchelovek* [The Posthuman], Moscow: Izdatelstvo Instituta Gaidara.

Buber M. (1993). Ya i Ty [I and Thou]. *Dva obraza very* [The Two Images of Faith], Moscow: Respublika, pp. 15–92.

Byung-Chul Han (2017). *The Agony of Eros (Untimely Meditations)*, MIT Press.

Coontz S. (2005). *Marriage. A History: From Obedience to Intimacy, or How Love Conquered Marriage*, New York: Viking Press.

Cowan C. P., Cowan P. A. (1992). *When Partners become Parents*, New York: Basic Books.

Dabhoiwala F. (2010). Lust and Liberty. *Past & Present*, vol. 207, no. 11, pp. 89–179.

Data Analysts on World Divorce Rates: Ranking of Countries from Highest to Lowest Risk of Getting Divorced. Available at: <https://news.cision.com/abcd-agency-ug/r/data-analysts-on-world-divorce-rates--ranking-of-countries-from-highest-to-lowest-risk-of-getting-di.c3747396> (date of access: 05 November 2024).

Deleuze G. (1999). Mishel’ Turn’e i mir bez Drugogo [Michel Tournier et le monde sans autrui], in Tournier M. *Pjatnica, ili tihookeanskij limb* [Vendredi ou les Limbes du Pacifique]. Saint-Petersburg: Amphora, pp. 282–302.

DeMause L. (1974). The Evolution of Childhood // DeMause L. (ed.). *The History of Childhood: The Untold Story of Child Abuse*, Peter Bedrick Books, pp. 1–73.

Eliacheff C., Heinich N. (2006). *Dochki-materi. Tretij lishnij?* [Mères-Filles: une relation à trois], Moscow: Institut obshchegumanitarnyh issledovaniy.

Emery R. E. (ed.) (2013). *Cultural Sociology of Divorce: An Encyclopedia*, SAGE Publications.

Fleischbein R. (2019). Janosch’s Tiger and Bear: Teaching and Learning Lifestyle Tolerance. *ChLA International Committee. 26 February 2019*.

Giddens A. (1992). *The Transformation of Intimacy. Sexuality, Love and Eroticism in Modern Societies*, Cambridge: Polity Press.

Goode W. J. (1968). *World Revolution and Family Patterns*, New York: The Free Press of Glencoe.

Hegel G. W. F. (1990). *Filosofiya prava* [Philosophie des Rechts], Moscow: Mysl’.

Hegel G. W. F. (1992). *Sistema nauk. Ch. 1: Fenomenologija duha* [Systems der Wissenschaft. Ersten Teil. Phänomenologie des Geistes], Saint-Petersburg: Nauka.

Kosmarski A. (2022). Vsemirnaja istorija kak priblizhenie k ljubvi i otkaz ot nee [World History As The Approach To And The Rejection Of Love]. *Logos*, no 5, pp. 1–36.

Klein M., Isaacs S., Riviere J., Heiman P. (2001). *Razvitie v psyoanalize* [Developments in Psychoanalysis], Moscow: Akademicheskij proekt.

Kutter P. (1997). *Sovremennyy psihoanaliz. Vvedenie v psihologiju bessoznatel’nyh processov* [Contemporary psychoanalysis. Introduction to the psychology of unconscious processes], Saint-Petersburg: B.S.K.

Lacan J. (1993). *The Seminar. Book III. The Psychoses, 1955–56*, London: Routledge.

Lei L., South S. J. (2021). Explaining the Decline in Young Adult Sexual Activity in the United States. *Journal of Marriage and Family*, vol. 83, issue 1, pp. 280–295.

- Liftnseva T. P. (2016). Ja i Ne-Ty. Oglushitel'noe molchanie mira [I and non-I. The Deafening Silence of the World]. *Voprosy filosofii*, no. 11, pp. 15–25.
- Löfström J. (1997). The Birth of the Queen/the Modern Homosexual: Historical Explanations Revisited. *The Sociological Review*, vol. 45, no. 1, pp. 24–41.
- Lystra K. (1989). *Searching the Heart: Women, Men, and Romantic Love in Nineteenth-Century America*, Oxford: Oxford University Press.
- Phillips R. (1976). Women and Family Breakdown in Eighteenth-Century France: Rouen 1780–1800. *Social History*, vol. 1, no. 2, pp. 197–218.
- Plante D. (1994). A Princess from Africa. *Penguin Book of Gay Short Stories*, pp. 394–414.
- El-Rouayheb K. (2005). *Before Homosexuality in the Arab-Islamic World, 1500–1800*, Chicago: University of Chicago Press.
- Sanjian A. S. (1991). Social Problems, Political Issues: Marriage and Divorce in the USSR. *Soviet Studies*, vol. 43, no. 4, pp. 629–649.
- Sartre J.-P. (2000). *Bytie i nichto: opyt fenomenologicheskoy ontologii* [L'Être et le Néant: essai d'ontologie phénoménologique], Moscow: Respublika.
- Schaeffer J.-M. (2010). *Konec chelovecheskoj iskljuchitel'nosti* [La fin de l'exception humaine], Moscow: Novoe literaturnoye obozrenie.
- Spanakos A. P. (1998). The Canvas of the Other: Fanon and Recognition. *disClosure: A Journal of Social Theory*, vol. 7, no. 11, pp. 147–161.
- Stone L. (1977). *The Family, Sex and Marriage in England, 1500–1800*, London: Harper & Row.
- Twenge J. M., Campbell W. K., Foster C. A. (2003). Parenthood and Marital Satisfaction: A Meta-Analytic Review. *Journal of Marriage and Family*, vol. 65, no. 3, pp. 574–583.
- Vasyakina O. (2021). *Rana: roman*. [Wound: a Novel], Moscow: Novoe literaturnoye obozrenie.
- Vishnevskiy A. G. (ed.). (2006). *Demograficheskaja modernizacija Rossii. 1900–2000* [Demographic Modernisation of Russia. 1900–2000], Moscow: Novoe izdatelstvo.
- Wallerstein J. S., Lewis J. M., Blakeslee S. (2000). *The Unexpected Legacy of Divorce: A 25 Year Landmark Study*, New York: Hyperion.
- Watt J. R. (1993). *The Making of Modern Marriage: Matrimonial Control and the Rise of Sentiment in Neuchâtel, 1550–1800*, New York: Cornell University Press.
- Wilcox W. (2009). The Evolution of Divorce. *National Affairs*, no. 1, pp. 81–94.
- Wolfinger N. H. (2021). *Is the Sex Recession Turning into a Great Sex Depression?* Available at: <https://ifstudies.org/blog/is-the-sex-recession-turning-into-a-great-sex-depression> (date of access: 05 November 2024).
- Yampolskaya A. (2011). *Emmanuel Levinas. Filosofia i biografija* [Emmanuel Levinas. Philosophy and Biography], Kiev: Dukh i Litera.
- Youth Risk Behavior Surveillance System (YRBSS) (2021). YRBSS – United States, 2021. Supplementary Tables. Table 4: Number & percentage of students, by sexual identity.* Available at: <https://www.cdc.gov/yrbs/results/2021-supplementary-tables.html> (date of access: 05 November 2024).
- Zaidi B. A., Morgan S. P. (2017). The Second Demographic Transition Theory: A Review and Appraisal. *Annual Review of Sociology*, vol. 43, pp. 473–492.
- Zenkin S. N. (2012). *Nebozhestvennoe sakral'noe: teorija i hudozhestvennaja praktika* [The Non-Divine Sacred: Theory and the Art Practice], Moscow: RGGU.